

ЧЕРТЫ СВОЕОБРАЗИЯ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ*)

Русскую теоретико-экономическую литературу нельзя поставить в один ряд с русским почвоведением или историей, не говоря уже об изящной литературе и музыке. Она не выдвинула ни одного „классического“ имени и не дала ни одного „создающего эпоху“ произведения. Она до сих пор страдает такими детскими болезнями, как беспорядочное смешение познавательного и оценочного подхода к миру, наивно-романтическая постановка подлежащих решению проблем, подобострастно-ученическое отношение к западным идеям. По своему содержанию, она в огромной своей части представляет не имеющий самостоятельного значения критический комментарий к франко-англо-германской экономической литературе.

Не высок и уровень русского общественного интереса к теоретико-экономическим вопросам. Экономическая теория, как таковая, нимало не ценится у нас не только в широкой публике, но и в академических кругах, ищущих в экономических работах, главным образом, социально-политического поучения. Научные достоинства экономиста до сих пор измеряются степенью привлекательности его политических взглядов.

И тем не менее русская экономическая мысль уже успела выявить свое ценное, чем мы вправе гордиться, и что является залогом неминуемого развития самостоятельной русской школы теоретической экономики. Это ценное заключается в своеобразном и чрезвычайно плодотворном восприятии ею хозяйственного мира в тех относительно редких случаях, когда она не может опереться на западные образцы и идет своими путями. Особенного внимания заслуживают в этом отношении новейшая русская сельскохозяйственная экономика, теория аграрной эволюции, учение о формах хозяйства, теория конъюнктуры. Основные онтологические идеи и руководящие исследовательские приемы этих разделов русской экономической науки весьма отличаются от того, что характерно для всей науки в ее целом.

Из онтологических предпосылок перечисленных отделов русской экономики важнейшими являются идея многообразия стилей хозяйственного творчества и идея приоритета хозяйственного целого над частью.

Идея многообразия хозяйственных стилей ощущается прежде всего в неустанном подчеркивании русскими мыслителями качественной разнородности единичных (приобретательских) хозяйств. Крестьянское хозяйство; ремесленное хозяйство; публичное хозяйство; иногда даже их отдельные категории неизменно выступают в оригинальной русской литературе, как явления *sui generis*, резко отличаю-

*) Конспект доклада, прочитанного 6. XII. 1928 в Евразийском Семинарии в Праге.

щиеся от капиталистического хозяйства и друг от друга. Вторым отзвуком разбираемой идеи является исключительное внимание русских экономистов к внутренней несхожести общественно-хозяйственных систем. Не только народные хозяйства в их целом, но даже отдельные районы одного и того же народного хозяйства изображаются обычно русскими экономистами, как не сводимые друг к другу образования. Третье явление того же порядка мы имеем в склонности русских экономистов подчеркивать качественную неодинаковость самого процесса хозяйственной жизни в различных условиях. Достаточно вспомнить о релятивизме русской аграрной теории и теории конъюнктуры. Разбираемую черту своеобразия русской экономической мысли можно обозначить, как плюралистический уклон последней.

Идея приоритета хозяйственного целого над частью проявляется в названных отделах русской экономики двояко. С одной стороны, в виде систематического изображения структуры и жизнедеятельности индивидуального хозяйства, как функции народно-хозяйственной и районной обстановки, — на этом стоит вся русская теория организации крестьянского и ремесленного хозяйства, вся аграрная теория, вся теория местной сельскохозяйственной политики. С другой стороны, в виде учения о зависимости каждой отдельной стороны индивидуального хозяйства от задач и общего положения последнего, — эта вторая мысль особенно упорно развивается в теории организации крестьянского хозяйства. И то и другое свидетельствует об органичности русского экономического мышления.

Что касается методологических особенностей разбираемых отраслей русской экономики, то среди них больше всего поражает исключительная роль статистики и статифицированной бухгалтерии. Дело не ограничивается усердным собиранием и всевозможным комбинированием цифровых данных. Что гораздо важнее с теоретической точки зрения, русские экономисты систематически используют статистический и бухгалтерско-статистический материал в качестве одного из средств установления номографических закономерностей, они статифицируют самый процесс теоретико-экономического анализа. Кто знаком, например, с теоретическими работами „неонародников“, тот хорошо знает, как абстрактная дедукция отступает в них на задний план перед извлечением общезначимых выводов из непосредственных жизненных данных. Разбираемое обстоятельство позволяет говорить о конкретности русского теоретико-экономического мышления.

Не подлежит сомнению, что, как плюралистический уклон, так и органичность, и конкретный характер упомянутых дисциплин представляют собой самобытное русское явление. Исторически русские экономисты стали плюралистами раньше Зомбарта, обратились к органическому миропониманию до появления работ Шпанна и приступили к статификации теории за много лет до соответствующих призывов Митчеля и Мура. Как социальное явление, охарактеризованная система подхода к экономическому миру имеет в России несравненно более значительный удельный вес, чем на Западе. На Западе ее отстаивают отдельные мыслители, оказывающие довольно слабое влияние на непосредственный ход теоретико-экономической работы. В России она оказывается самим собою разумеющимся условием решения перечисленного круга проблем, и ее невольно усваивает каждый прикасающийся к этим проблемам исследователь.

Не подлежит также сомнению исключительная действенность этой

системы подхода к хозяйственному миру. Во всех областях его применения русские экономисты оставили своих западных коллег далеко позади за собой.

Вот почему мы вправе рассматривать охарактеризованные особенности русского экономического мышления, как залог появления в будущем самостоятельной русской школы теоретической экономики.

Необходимо только иметь в виду, что стоящие на пути к этому препятствия очень значительны. По странной иронии судьбы, самобытная трактовка теоретических проблем наблюдается в России, главным образом, у дилетантов и у наименее видных из академически квалифицированных экономистов, и выступает на сцену почти исключительно при решении вопросов полуприкладного характера. Это привело, во-первых, к тому, что за соответствующим подходом к делу утвердилась репутация специального приема выяснения узко определенного круга теоретически второстепенных задач, и, во-вторых, к тому, что его практическое осуществление обычно бывает связано с рядом крупнейших теоретических недоразумений и ошибок.

Возведение на указанной основе самостоятельной русской школы теоретической экономики требует поэтому предварительного освобождения указанного подхода к хозяйственным явлениям от всех накопившихся вокруг него легенд и недоразумений. Кроме того, оно немислимо, конечно, до тех пор, пока не изжито наше подобострастное отношение к западной науке.

Д. Иванцов